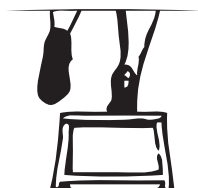

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Синдикализм: Анархистская критика

Речь Малатесты на одиннадцатом заседании
Амстердамского анархистского конгресса 1907
года.

Эррико Малатеста

29 августа 1907

*Одиннадцатое заседание. Четверг, 29 августа.
Послеобеденное заседание.*

Затем слово предоставляется товарищу Малатесте, который произнесёт в ответ Монатту одну из своих самых энергичных речей. В зале воцаряется глубокое молчание с первых же слов старого революционера, чья суровая и искренняя речь всеми единодушно любима.

Эррико Малатеста
Синдикализм: Анархистская критика
Речь Малатесты на одиннадцатом заседании
Амстердамского анархистского конгресса 1907 года.
29 августа 1907

Anarchisme & Syndicalisme: Le Congrès Anarchiste
International d'Amsterdam (1907), с. 193-199
Оригинального названия нет.

ru.anarchistlibraries.net

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА: Я хочу сразу заявить, что буду здесь развивать только те части своей мысли, в которых я расхожусь с предыдущими ораторами, и особенно с Монаттом. Поступить иначе означало бы подвергнуть вас тем праздным повторениям, которые позволительны на митингах, когда говоришь перед публикой из противников

или равнодушных. Но здесь мы собрались как товарищи, и, конечно, никто из вас, слушая, как я критикую то, что заслуживает критики в синдикализме, не соблазнится принять меня за врага организации и действия рабочих; иначе он очень плохо знал бы меня!

Вывод, к которому пришёл Монатт, таков: синдикализм есть необходимое и самодостаточное средство социальной революции. Иными словами, Монатт заявил, *что синдикализм сам по себе достаточен*. И вот это, по моему мнению, доктрина радикально ложная. Борьба с этой доктриной и будет предметом данной речи.

Синдикализм, или, точнее, рабочее движение (рабочее движение – это *факт*, который никто не может игнорировать, тогда как синдикализм – это доктрина, система, и мы должны избегать их смешения) рабочее движение, говорю я, всегда находило во мне решительного, но не слепого защитника. Дело в том, что я видел в нём особенно благоприятную почву для нашей революционной пропаганды, а равно и точку соприкосновения между массами и нами. Мне нет нужды настаивать на этом. Нельзя не признать за мной одну заслугу: я никогда не принадлежал к тем анархистам-интеллектуалам, которые, после того как старый Интернационал был распущен, добровольно заперлись в башне из слоновой кости чистого умозрения; Я никогда не переставал бороться против этой позиции надменной отчуждённости – везде, где я её встречал: в Италии, во Франции, в Англии и в других местах; я никогда не переставал вновь толкать наших товарищей на тот путь, который синдикалисты, забыв о славном прошлом, называют *новым*, но который уже предвидели и по которому шли первые анархисты в Интернационале.

Я хочу – сегодня, как и вчера, – чтобы анархисты входили в рабочее движение. Я сегодня, как и вчера, синдикалист в том смысле, что я сторонник профсоюзов. Я не требую

анархистских профсоюзов, которые тотчас же оправдали бы существование профсоюзов социал-демократических, республиканских, монархических или иных и были бы в лучшем случае годны лишь на то, чтобы ещё больше, чем когда-либо, разделить рабочий класс против самого себя. Я не хочу даже так называемых *красных* профсоюзов, потому что я не хочу так называемых *жёлтых* профсоюзов. Я хочу, напротив, профсоюзов, широко открытых для всех трудящихся без различия мнений, профсоюзов абсолютно *нейтральных*.

Итак, я за самое активное возможное участие в рабочем движении. Но я за него прежде всего в интересах нашей пропаганды, поле которой тем самым значительно расширилось бы. Однако это участие ни в коей мере не может равняться отказу от наших самых дорогих идей. В профсоюзе мы должны оставаться анархистами – во всей силе и во всём объёме этого слова. Рабочее движение для меня лишь средство, – очевидно, лучшее из всех средств, которые нам предлагаются. Это средство я отказываюсь принимать за цель, и я бы от него отказался, если бы оно заставило нас упустить из виду всю совокупность наших анархистских концепций, или, проще говоря, наши другие средства пропаганды и агитации.

Синдикалисты, напротив, склонны превращать средство в цель, принимать часть за целое. И так, в умах некоторых наших товарищей, синдикализм становится новой доктриной и угрожает самому существованию анархизма.

Однако, даже если он и приправится совершенно бесполезным эпитетом «революционный», синдикализм есть и всегда будет лишь легалистским и консервативным движением, без иной достижимой цели – и то ещё! – кроме улучшения условий труда. Я не буду искать другого доказательства, кроме того, которое нам предлагают крупные североамериканские союзы. После того как они показали се-

бя радикально революционными, в те времена, когда они были ещё слабы, эти союзы становились, по мере роста их силы и богатства, отчётливо консервативными организациями, занятыми исключительно тем, чтобы сделать своих членов привилегированными на фабрике, в мастерской или в шахте, и гораздо менее враждебными капитализму хозяев, чем неорганизованным рабочим, этому, заклёпённому социал-демократией, пролетариату в лохмотьях! А ведь этот постоянно растущий пролетариат безработных, который не воспринимается синдикализмом, или, вернее, считается для него лишь как препятствие, мы не можем забывать, мы, анархисты, и мы должны его защищать, потому что он – наиболее страдающий.

Повторяю: анархисты должны идти в рабочие союзы. Во-первых, чтобы вести там анархистскую пропаганду; во-вторых, потому что это единственное средство для нас иметь в своём распоряжении в нужный день группы, способные взять в руки руководство производством; мы должны идти туда, наконец, чтобы энергично реагировать против этого отвратительного умонастроения, которое склоняет профсоюзы защищать только свои частные интересы.

Основная ошибка Монатта и всех революционных синдикалистов проистекает, по моему мнению, из слишком упрощённой концепции классовой борьбы. Это концепция, согласно которой экономические интересы всех рабочих – рабочего класса – солидарны, концепция, согласно которой достаточно того, чтобы рабочие взяли в руки защиту своих собственных интересов, чтобы тем самым защитить интересы всего пролетариата против хозяев.

Реальность, по моему мнению, совсем иная. Рабочие, как и буржуа, как и все, подчиняются этому закону всеобщей конкуренции, который вытекает из режима частной собственности и который исчезнет только вместе с ним. Следовательно, нет классов в собственном смысле слова,

зал, что, предположив внезапную остановку производства, Англия имела бы запасов продовольствия лишь на месяц; Лондон – лишь на три дня. Я знаю, что существует хорошо известное явление перепроизводства. Но всякое перепроизводство имеет своё немедленное исправление в кризисе, который вскоре возвращает порядок в промышленность. Перепроизводство всегда лишь временно и относительно.

Теперь нужно заключить. Когда-то я сожалел, что товарищи отгораживаются от рабочего движения. Сегодня я сожалею, что многие из нас, впадая в противоположную крайность, позволяют этому самому движению себя поглощать. Ещё раз: рабочая организация, забастовка, всеобщая забастовка, прямое действие, бойкот, саботаж и само вооружённое восстание – всё это лишь *средства*. Анархия – это *цель*. Анархистская революция, которой мы хотим, намного превосходит интересы одного класса: она ставит своей задачей полное освобождение человечества, ныне порабощённого, в тройном отношении – экономическом, политическом и моральном. Будем же остерегаться всякого узкого и упрощённого средства действия. Синдикализм, – превосходное средство действия в силу тех рабочих сил, которые он предоставляет в наше распоряжение, – не может быть нашим единственным средством. Тем менее должен он заставить нас упускать из виду единственную цель, достойную усилий: Анархию!

Заседание закрыто в 6 часов 30 минут.

поскольку нет классовых интересов. Внутри самого рабочего «класса», как и у буржуа, существуют конкуренция и борьба. Экономические интересы такой-то категории рабочих непримиримо противостоят интересам другой категории. И иногда видно, что экономически и морально некоторые рабочие гораздо ближе к буржуазии, чем к пролетариату. Корнелиссен привёл нам примеры этого факта, взятые из самой Голландии. Есть и другие. Мне не нужно напоминать вам, что очень часто во время забастовок рабочие применяют насилие... против полиции ли или хозяев? Отнюдь нет: против *штрейкбрехеров*, которые, однако, такие же эксплуатируемые, как и они, и даже ещё более обездоленные, тогда как подлинные враги рабочего, единственные препятствия к социальному равенству – это полиция и хозяева.

Однако среди пролетариев возможна моральная солидарность, за неимением солидарности экономической. Рабочие, которые замыкаются в защите своих узкогрупповых интересов, не познают её, но она рождается в тот день, когда общая воля к социальным преобразованиям сделает из них новых людей. Солидарность в современном обществе может быть лишь результатом общности в рамках приверженности одному и тому же идеалу. А ведь роль анархистов – пробуждать профсоюзы к идеалу, постепенно направляя их к социальной революции, – рискуя повредить тем «немедленным выгодам», до которых мы видим их сегодня столь жадными.

Что профсоюзное действие таит в себе опасности – этого уже нельзя отрицать. Величайшая из этих опасностей состоит, несомненно, в принятии активистом профсоюзных функций, особенно когда они оплачиваются. Общее правило: анархист, который соглашается быть постоянным и оплачиваемым функционером профсоюза, потерян для пропаганды, потерян для анархизма! Он становится

отныне обязанным тем, кто его оплачивает, а поскольку те не анархисты, оплачиваемый функционер, оказавшийся отныне между своей совестью и своим интересом, либо последует за своей совестью и потеряет своё место, либо последует за своим интересом, и тогда – прощай, анархизм!

Функционер в рабочем движении – это опасность, сравниваемая лишь с парламентаризмом: и то и другое ведёт к развращению, а от развращения до смерти недалеко!

А теперь перейдём к всеобщей забастовке. Что до меня, я принимаю её принцип, который пропагандирую столько, сколько могу, уже много лет. Всеобщая забастовка всегда казалась мне превосходным средством для того, чтобы открыть социальную революцию. Однако будем остерегаться впадать в пагубную иллюзию, будто при всеобщей забастовке вооружённое восстание становится излишним.

Утверждают, что, резко остановив производство, рабочие за несколько дней доведут буржуазию до голода, и та, подыхая с голоду, будет вынуждена капитулировать. Я не могу вообразить большей нелепости. Первыми, кто начнёт умирать с голоду во время всеобщей забастовки, будут не буржуа, располагающие всеми накопленными продуктами, а рабочие, у которых для жизни есть только их труд.

Всеобщая забастовка, как её нам заранее описывают, – чистая утопия. Либо рабочий, умирающий с голоду после трёх дней забастовки, вернётся в мастерскую с опущенной головой, и мы засчитаем ещё одно поражение. Либо он захочет силой захватить продукты. Кого он найдёт перед собой, чтобы помешать ему? Солдат, жандармов, а то и самих буржуа, и тогда вопросу придётся разрешиться стрельбой и бомбами. Это будет восстание, и победа останется за сильнейшим.

Так будем же готовиться к этому неизбежному восстанию, вместо того чтобы ограничиваться проповедью все-

общей забастовки как панацеи от всех зол. Пусть не возражают, что правительство вооружено до зубов и всегда будет сильнее восставших. В Барселоне в 1902 году войск было немного. Но к вооружённой борьбе не были подготовлены, и рабочие, не понимая, что политическая власть – истинный противник, отправляли делегатов к губернатору, чтобы просить его заставить хозяев уступить.

Впрочем, всеобщая забастовка, даже сведённая к тому, чем она в действительности является, всё ещё одно из тех обоюдоострых оружий, которое следует применять лишь с большой осторожностью. Служба продовольственного снабжения не может допустить продолжительного простоя. Следовательно, придётся силой захватить средства продовольственного снабжения, и притом тотчас же, не дожидаясь, пока забастовка разовьётся в восстание.

Значит, не столько к прекращению работы следует призывать рабочих, сколько, напротив, к продолжению её для самих себя. Иначе всеобщая забастовка быстро превратилась бы во всеобщий голод, даже если бы рабочие были достаточно энергичны, чтобы с самого начала захватить все продукты, накопленные в магазинах. В сущности, идея всеобщей забастовки берёт начало в одном из самых ошибочных убеждений: это вера в то, что с продуктами, накопленными буржуазией, человечество могло бы потреблять, не производя, не знаю сколько месяцев или лет. Эта вера вдохновила авторов двух пропагандистских брошюр, опубликованных лет двадцать назад: «*Продукты земли*» и «*Продукты промышленности*»¹, и эти брошюры, по моему мнению, сделали больше добра, чем зла. Современное общество не так богато, как думают. Кропоткин где-то пока-

¹ «*Les Produits de la Terre*» и «*Les Produits de l'Industrie*» Женева, 1885, и Париж, 1887. Эти брошюры, приписываемые Элизе Реклю, — дело рук одного из его швейцарских сотрудников, ныне отошедшего от движения.